

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

HARLEQUIN® ИСТОРИЧЕСКИЙ
РОМАН

*Смогут ли влюбленные
преодолеть преграды,
выстроенные их
прошлым, его виной и ее
опасным положением?
Rakehell.net*

Элизабет Роллз

**СЛУЖАНКА
В ВЫСШЕМ
СВЕТЕ**

Элизабет Роллз

Служанка в высшем свете

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=643685
Служанка в высшем свете: Центрполиграф; М.:; 2011
ISBN 978-5-227-02798-6

Аннотация

Жизнь Верити Скотт превратилась в кошмар после смерти отца. Ближайшие родственники Фарингтоны отняли у нее имя и низвели до положения прислуги. В надежде вырваться наконец из плена, бывшая Верити, а теперь Селина Деринг, согласилась даже стать любовницей графа Блейкхерста. Но когда Макс Блейкхерст узнал, что горничная с манерами леди – дочь его погибшего командира Верити Скотт, то решил, что попался в ловушку. Он женился на Верити, презирая ее, и не догадывался, что она мечтала о нем с того дня, когда он утешал ее на могиле отца.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	19
Глава 2	33
Глава 3	46
Глава 4	62
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Элизабет Роллз

Служанка в высшем свете

Пролог

Осень 1817 года

Верити скорчилась в тени дымохода, наблюдая сквозь колышущуюся завесу дождя, как два человека – не более чем два сгустка более плотной черноты в кромешной тьме – перетаскивали свою ужасную ношу от дома к повозке.

– Ну, раз-два, взяли...

Послышался глухой стук, когда мужчины забросили тело на задок тележки.

Сердце ее сжалось. Пожалуйста, осторожнее!

– Отлично. Еще что, Джейк?

– Да... О, подожди, а где же?.. – Джейк забрался в повозку и пошарил вокруг. – Нету. Вот те на, Билл.

– Что такое?

– А то, что мы чуть не забыли чертов кол. Нельзя ничего забывать, а то пастора удар хватит.

Его товарищ коротко фыркнул в ответ:

– Ну так тащи его сюда. Все? Ну, поехали. Скорее бы отделиться. Скверное это дело... Но куда деваться, приказано

– значит, исполняй.

Приказано. У нее все задрожало внутри, когда повозка, громыхая, покатила прочь. Выскользнув из тени, Верити последовала за ней.

В конце деревенской улицы послышался торопливый перестук копыт, заставив ее поспешно юркнуть под крытые ворота церковного кладбища.

Когда всадник неспешным шагом двинулся за телегой, она подавила яростное рыдание. Это его не касалось! Он что, хочет поделиться скандальной историей со своими друзьями?

Щурясь и моргая от попадающих в глаза капель дождя, она покинула деревню вслед за телегой и всадником.

Дождь быстро промочил насквозь старенький плащ, проморозив ее до костей. Она неудержимо дрожала, отчаянно делая вид, что причиной тому был простой холод и что бояться ей нечего.

Наконец телега достигла перекрестка. Дрожа от усталости и холода, Верити спряталась в кустах, присев на мокрый дерн и едва ли замечая, что ветви ее царапают, а по спине стекают ледяные струйки воды. Трясущейся рукой она убрала со лба мокрые спутанные волосы и выглянула из своего убежища. По крайней мере, дождь перестал, и в облаках образовались прорехи, в которые пробивался неверный, болезненный свет луны.

Фонарь поставили на землю, и свет его блеснул в луже.

Рядом с ним она увидела темный зияющий провал.

Один из мужчин наклонился над ним и выругался:

– Дьявол раздери! Проклятая яма наполовину заполнена водой. Господи! Что за дрянная работа!

– Не важно, – ответил другой. – По крайней мере, нам ее сейчас не копать. Бросим его туда, и конец делу. Говорю же – скорее надо с этим покончить. Ну-ка, помоги...

Верити не отрывала взгляда от повозки, к которой направились двое мужчин.

– Подождите. – Незнакомец спешил. – Я опущу его в могилу.

Душившие ее рыдания вырвались наружу. Как он смеет? Так, значит, она осуждена взирать на то, что несчастное тело, лежащее на повозке, из праздного любопытства положит в могилу незнакомец?

Преодолевая переполнявшее ее отчаяние, она готовилась увидеть, как труп будет небрежно сброшен в грязь. Боль пронзила ее, когда незнакомец опустился на колени прямо в слякоть и осторожно стал спускать тело к месту его последнего упокоения. Слабый всплеск сказал ей, что дело сделано, и гораздо бережнее, чем она ожидала. Потрясенная, Верити наблюдала, как человек выпрямился и бросил что-то на тело.

До нее донесся глубокий голос, негромко произносящий слова:

– Мы предаем его тело земле...

– Эй, вы! – прервал его возмущенный крик. – А ну, пре-

кратите! Пастор же приказал не молиться! Тот, кто наложил на себя руки...

– К дьяволу пастора с его приказами! Земля к земле, пепел к пеплу, прах к праху... – Глубокий голос растворился в тишине, и слезы благодарности смешались с дождем на щеках Верити.

Кем бы он ни был, он оказался ее единственным другом в этой кошмарной тьме, и она станет молиться за него до последних дней своей жизни.

Старший из двоих мужчин неуверенно заговорил:

– Вам бы лучше отойти в сторону, сэр. Если вы не хотите и в этом тоже поучаствовать.

– Нет, благодарю. – Незнакомец отшатнулся назад, его голос звучал хрипло. – Разве вы не можете оставить сейчас беднягу? Просто скажите пастору, что все исполнили. Этот призрак не будет беспокоить вас. Оставьте его в покое!

– Нет, сэр, – твердо ответил мужчина. – Пастор рассказал, как все должно быть сделано. Вам теперь лучше уйти. Это скверное дело, но его надо закончить.

Грубое ругательство прозвучало в ответ, и незнакомец отступил.

Почти лишившись чувств, Верити ничком легла на землю, не заботясь о том, что мороз охватил все ее тело. Даже когда она осознала, что они уже засыпают могилу, стук молота все еще отдавался в ее душе, повергая ее в безжалостные мучения.

Оставалось только ждать, пока они уйдут, чтобы она смогла попрощаться.

И вот наконец все удалились, и Верити, прислушиваясь к последним затихающим шлепкам копыт по лужам, выползла из кустов, разминая заочеченные мышцы.

Отчаянно зарыдав, она упала на колени в грязь.

– Ах, папа, прости меня! Я не понимала... Папа... Прости... Я не хотела этого... Я люблю тебя...

Все еще плача, она полезла в сумку и достала свои подношения. Пусть малые и жалкие, но это все, что она могла сделать. Если бы она поставила крест, хотя бы самый скромный, его бы снесли. Даже букет цветов уберут, если кто-нибудь его увидит.

Стараясь быть незаметной, она принялась копать в мокрой холодной земле, подготавливая ее для своего тайного венка. Он простит ей... он должен. Он любил ее когда-то.

– Что, черт возьми, ты собираешься там найти, собака? Жалкие безделушки? Я слышал, как ты шел за нами всю дорогу. И вернулся, чтобы вышвырнуть тебя.

Резкий голос ударил Верити, точно кинжалом, и она закричала, пораженная ужасом, когда ее грубо схватили за плечо и рванули так, что она беспомощно упала на грязную могилу. Незнакомец откинул ее капюшон.

– Господи Боже! Ты девочка, дитя! Какого черта ты здесь делаешь? Кто ты?

– Я... я Верити. Верити Скотт. Он... он... – Рыдания

вновь перехватили ей горло.

– Верити? Тогда... вы его дочь. – Суровость исчезла, сменившись ужасом и состраданием. – О чем вы думали? Вам ни в коем случае нельзя было сюда приходить! Сколько вам лет, ради бога? – Дрожащей рукой он отвел с ее лба мокрые спутанные пряди волос, проявив неуклюжую нежность.

– П-пятнадцать...

– Пятнадцать? О дьявол! Я должен вернуть вас в деревню, пока никто не хватился. Пойдемте. Я посажу вас на своего коня.

Он поднял ее без усилий, вырвав из оцепенения. Верити принялась отчаянно отбиваться и наконец неловко свалилась прямо ему под ноги.

– Нет! Еще нет! Я... я принесла семена колокольчиков, – прошептала она, слепо глядя вверх, в затененное лицо. – Они уберут крест или... или что-нибудь еще. А луковицы не зацветут до весны. Может быть, никто не догадается. Тогда, если... если я смогу однажды вернуться, у меня получится найти его...

Луна выплыла, и она увидела мешочек на краю могилы рядом с ее сумкой. Вздрагивая, она вновь опустилась на колени и осознала, что ее спутник стоит на коленях рядом с ней.

Он протянул руки:

– Я помогу вам.

Слезы обильно полились по щекам, когда Верити высыпа-

ла семена в его сложенные чашей ладони и попыталась поблагодарить его. Слова не пришли на ум, и они посадили цветы в молчании.

Наконец все было закончено, и спутник Верити бережно поднял ее:

– Теперь пойдём. Они укроют его могилу, и он будет покоиться в мире.

Ее рука вцепилась в его руку.

– Подождите, – попросила она.

Издав глубокий вздох, она начала детским высоким голосом:

– Возвел я очи мои ввысь, откуда придет помощь моя...

Сильный голос продолжил за нее, твердо выговаривая слова:

– Господь сохранит тебя от всякого зла, хранит душу твою Господь.

Собрав все свои силы, Верити вновь обрела голос, и они довершили вместе:

– Господь будет охранять вход твой и исход твой отныне и до века.

Все было кончено. Она сделала то, что намеревалась сделать, – все, что она могла сделать, чтобы загладить свою вину и предательство. Ей больше не за что было цепляться.

Сильные руки удержали ее, когда она споткнулась, а затем подняли и прижали, точно ребенка, к широкой груди. Словно не чувствуя своего бремени, ее защитник вышел на тропу

и издал пронзительный свист. Ржание и топот копыт были ему ответом. Лошадь возникла перед ними.

И вот ее поднимают на спину лошади и придерживают там, пока спаситель взбирается вслед за ней, усаживается позади и прижимает ее спиной к себе.

– Скажите мне ваше имя, – прошептала она.

Объятие стало крепче; лошадь перешла на медленную рысь.

– Макс.

– Вы знали его, ведь так? Откуда? – Она должна была узнать. Ей невыносимо было ничего не ведать о человеке, который утешал ее в горе, в рухнувшем мире.

– Он был моим командиром. Он был выше меня во всех смыслах. Доблестный офицер и джентльмен. Запомните его таким, Верити. И я буду помнить его как благословеннейшего среди всех людей. Ты не веришь мне, маленькая?

Она покачала головой.

Улыбка стала теплее, и он наклонился, чтобы запечатлеть легкий поцелуй на ее лбу.

– Он умер, благословенный ребенком, таким же благородным и верным, как он сам. Ни один человек не может просить больше. Он бы гордился вами, Верити. Точно так же, как вы должны гордиться им.

Лошадь медленно двинулась вперед; Верити повернулась и не стесняясь заплакала на груди Макса. «Он не понимает, не знает, что я сделала. Если бы он знал...»

Постепенно тепло под плащом Макса усыпило Верити, победило кошмарную ночь, и она в мерном покачивании от езды задремала, пробудившись от грез только тогда, когда они добрались до деревни и Макс заговорил:

– Кто заботится о вас? У вас есть семья?

Верити в недоумении огляделась. Они остановились перед гостиницей.

– Простите?

– У кого вы сейчас живете? Я провожу вас до дверей.

– А... – Она попыталась не выдать своих чувств. – Я все еще живу в доме. И... наверное, мой дядя за мной завтра приедет.

Из верхнего окна послышался негромкий голос:

– Это вы, сэр?

Макс поднял голову.

– Хардинг, старина! Сойди, будь добр, и прими лошадь.

– Да, сэр.

Верити стиснула зубы, чтобы сдержать дрожь. Отсюда она могла дойти до дому и одна. Ее спутник спрыгнул с лошади и снял Верити, придержав, когда ее ноги, заочневшие от холода, подломились под ней.

– Осторожно, – сказал он, поддерживая ее.

Она почти совсем застыла на морозе, но под сердцем ее кто-то разжег согревающий огонь.

Через минуту дверь гостиницы открылась, и маленький человек вышел наружу, неся фонарь.

– Все в порядке, сэр? – И добавил: – А это что за черт?

– Хардинг, это мисс Скотт. Ты можешь обтереть Юпитера, пока я провожу ее до дому?

Хардинг поднял фонарь повыше.

– Мисс Скотт? Вот жалость-то какая, девочка. Вот беда. Он был храбрым человеком. Идите с майором. Боже благовас. До встречи, сэр.

– Со мной ничего не случится, – запротестовала Верити. – Вам не следует...

– Не трать слов понапрасну, – посоветовал Макс и подхватил ее на руки. – Я отнесу тебя домой, вот и все.

Легкость, с которой он это сделал, потрясла Верити до того, что она молчала, пока они не добрались до дому, где он аккуратно поставил ее на ноги.

– Ключ? – произнес он.

Горький смех вырвался у Верити.

– Здесь не заперто. Они не оставили ничего, что стоило бы украсть.

Он открыл дверь.

Темнота внутри была кромешная.

– Подождите, – сказала она и осторожно прошла к столу, где нашарила оставленные ею там свечу и огниво.

Ее онемевшие пальцы тщетно боролись с кремнем и сталью. Снова и снова она пыталась высечь искру. Тихий всхлип вырвался у нее – она злилась на свою неуклюжесть. Мгновенные спустя кремень и сталь были отобраны у нее нежной, но

твердой рукой, и свет вспыхнул, когда искра попала на промасленную ветошь.

– Сходите наверх и принесите сюда сухую одежду.

Она еще не очнулась от дремоты. Моргая в сумрачном мерцающем свете огня, сонно спросила:

– Зачем?

Его голос был очень терпелив.

– Чтобы надеть. Вам нужно переодеться в сухое. И быстро. Здесь, внизу? Когда он на кухне? Вдруг она проснулась.

– Я... я переоденусь наверху. – Без сомнения, он был совершенно не опасен, но все же... она не может переодеться здесь, даже если он повернется спиной, завяжет себе глаза и зажмурится.

– Здесь, внизу, горит огонь, – проворчал он.

– И вы здесь, – возразила она. – Я переоденусь в своей спальне!

Он вытаращился на нее:

– Ради бога, девочка! Вы ведь не думаете, что я способен воспользоваться такой ситуацией!

Ее щеки запылали.

– Конечно нет! Просто, ну... В общем, я переоденусь наверху.

Внезапная улыбка смягчила его суровые черты.

– Он так и говорил, что вы отчаянно упрямая малышка. Как и ваша мать, по его словам. Ладно, но тогда переодевайтесь побыстрее. Я не хочу, чтобы вы замерзли до смерти.

Верити убежала прежде, чем он мог передумать.

К тому времени, как она проскользнула в кухню, уютно закутанная в самую теплую ночную рубашку и самый толстый халат, майор, как оказалось, произвел разведку в кухонных шкафах. Она села у огня и стала смотреть.

Он как будто чувствовал себя на кухне совсем как дома, находя все с такой легкостью, как будто привык заботиться о себе сам. Наконец он вернулся с результатами своего рейда. Кусок сыра, краюшка хлеба и два яблока на шерботой глиняной тарелке.

– Это все? – спросил он. – Не очень-то много.

Она вновь почувствовала, как загорелись ее щеки.

– Мне очень жаль. Остальное я съела на ужин. Если бы знала, что вы придете... – Это предназначалось ею на завтрак, но после того, что сделал, он имел право взять все, что у нее было.

Он заморгал и положил тарелку ей на колени:

– Это для вас! Не для меня!

Потрясенная, Верити смотрела на еду. Когда кто-нибудь в последний раз беспокоился о том, что она ела? Ей не хотелось выдать себя слишком выразительным ответным взглядом.

Ее желудок запротестовал при мысли о еде, но она заставила себя съесть все, зная, что Макс, прислонившись к дымоходу, неотрывно смотрит на нее. После скудной трапезы ей стало гораздо теплее.

– Вам необходимо хорошо выспаться ночью, – сказал он внезапно, когда она закончила есть.

– Доброй... доброй ночи, Макс, и... и благодарю вас. – Ее голос безнадежно дрогнул, и она закрыла глаза, чтобы остановить слезы.

– Идите же. Уходите. Я посижу здесь немного, чтобы согреться, если вы не возражаете. – Он уселся в кресло, которое она освободила.

– Н...нет, конечно. Все в порядке. Но разве вам не было бы теплее в гостинице?

Он покачал головой:

– Нет, совсем нет. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – прошептала Верити неохотно. И попятилась к двери, не желая терять его из виду прежде, чем уйдет.

Он взглянул на нее и улыбнулся, когда она дошла до двери. Улыбка смягчила резкие линии его лица, растопив ее сердце.

Макс сидел, уставившись в огонь, ненавидя себя. Что за адское несчастье! Дьявол, он приехал слишком поздно. Если бы только он знал раньше, в какую беду попал Скотт, разумеется, он смог бы что-то сделать.

Холодная дрожь пробежала по его телу. Без сомнения, потеря руки была страшным ударом для Скотта, но самоубийство... Он поморщился. Вероятно, дело было не только в ру-

ке. Он вспомнил, что ему рассказывали... Плохо дело, Макс. Видимо, бедняга вернулся после Ватерлоо только затем, чтобы узнать, что его жена умерла в родах. Понятно, что с тех пор он пил лауданум. Почему он не пришел и не выяснил, может ли чем-нибудь им помочь? Он пытался, но ему даже не открыли дверь. Он видел только ребенка. Девочка вышла и принесла извинения. Сказала, что отец не очень хорошо себя чувствует...

Нет, здесь не было его вины... И все же... Если бы только Скотт не отбил этот штык! В чистой смерти на поле боя для Макса Блейкхерста не было бы такой трагедии. Если бы только не поддался на уговоры родственников и не уехал в посольство в Вену, он мог бы, наверное, раньше услышать о трудностях Скотта, мог бы сделать что-нибудь. Теперь осталось только одно – оплакивать его.

Он даже не мог помочь девочке, спящей наверху. Теперь о ней будет заботиться семья. И последнее, что ей нужно, – это напоминание о сегодняшней страшной ночи. Нет, ей лучше не видеть, как он маячит где-нибудь поблизости.

Верити спустилась вниз вскоре после рассвета, жалея, что не отказала Максу и съела ужин, когда лучше было бы оставить что-нибудь на завтрак. И что она сделала прошлой ночью со своей мокрой одеждой? Она определенно оставила ее на полу своей спальни – и так же определенно ее сегодня утром там не было.

Ее желудок умоляюще заурчал. Она оставила его призыв

без внимания. Ей нужно было заново разжечь огонь, чтобы высушить одежду, когда она ее найдет. Топлива осталось мало.

Верити добралась до кухни и замерла. Огонь ярко пылал, а на спинке стула висела ее одежда. Почти сухая.

Смаргивая режущие глаза слезы, она огляделась. На столе лежали четыре яйца, бекон, буханка свежего хлеба, кусочек масла, немного сыра и шесть яблок. И кувшин... она заглянула внутрь... с молоком. Слезы полились с новой силой. Судя по состоянию огня, он ушел совсем недавно. Он провел здесь всю ночь, а затем вышел, чтобы принести ей завтрак.

У нее был друг. Даже если она никогда больше его не увидит, где-то в мире существует Макс. Кто-то, кого она могла любить.

Глава 1

1822 год. Конец лета

– Чем ты здесь занимаешься, бездельница? Как ты смеешь тратить время на чтение, когда оборки Селии требуют починки?

Девушка, известная под именем Селина Деринг, вскочила и поспешно сунула книгу в нижнее отделение потрепанного дорожного бюро, стоящего в изножье ее кровати.

– Прошу прощения, тетя Фарингдон. Я не знала, что у Селии порвалась оборка.

Леди Фарингдон не желала слушать оправданий.

– Да как бы ты вообще что-то узнала, если то и дело тайком прокрадываешься в спальню, чтобы почитать развалюсь!

– Но ведь и вы, и Селия сами велели мне убираться с глаз, – возразила Верити.

– Не смей мне дерзить, девчонка! Или ты хочешь, чтобы тебя опять высекли? Немедленно отправляйся к Селии и пришей оборку! Пока не приехали его светлость и прочие гости.

– Да, тетя.

Она сказала это в пустоту, поскольку леди Фарингдон уже вылетела из комнаты, подобно буре. Спорить было бесполезно.

Покорившись, Верити заперла бюро на ключ, который носила на шее на плетеном шнурочке. С любовью погладив бюро, она собралась с духом, взяла рабочую корзинку и покинула стылую комнатку вслед за тетей.

– Где тебя носило? – завизжала Селия, когда Верити вошла в ее модную спальню. – Ты только посмотри на этот кошмар! А лорд Блейкхерст прибудет с минуты на минуту!

Верити опустилась на колени у подола Селии и принялась подшивать.

– Ну скорее!.. – заныла Селия.

Она бросилась к окну, и несчастная оборка опять разошлась под руками Верити.

– Да посмотри, что ты натворила! – Ярость Селии превзошла ее самое. – Мама, мама! Посмотри, что она сделала! Она это нарочно сделала!

Подавив едва не вырвавшееся слово, недостойное леди, Верити обернулась и увидела, что в комнату входит ее тетка.

– Неблагодарная дрянь! – завопила леди Фарингдон. – И это после всех наших благодеяний! Да на тебе даже одежда с нашего плеча!

Верити как раз казалось, что выцветшее до серого цвета черное платье, которое было на ней, попросту выбросила экономка пастора, но она прикусила язык и хмуро сосредоточилась на том, чтобы как можно тщательнее подшить оборку Селии. Если повезет, лорд Блейкхерст женится на этой девице и окажется Синей Бородой.

Ничего из того, что она услышала о лорде Блейкхерсте в следующие двадцать четыре часа, не заставило ее отказаться от мысли, что эти двое были бы вполне достойны друг друга. Лорд Блейкхерст прибыл с опозданием, за обедом он оскорбил по крайней мере трех человек, которым попросту не протянул руки, сочтя это ниже своего достоинства, и при этом окружающие восторженно подхватывали все его словечки.

– Такой представительный мужчина! – вздыхала Селия позже вечером, готовясь ко сну. – И конечно, жутко богатый. Можно только гадать, почему он до сих пор не женат! Конечно, титул он получил неожиданно, три года назад, после смерти брата. И конечно же он приехал сюда искать себе невесту.

Верити моргнула, складывая сорочку.

Этот логический скачок ее озадачил. Получается, визит в Фарингдон-Холл был предварительным шагом матримониально настроенного графа.

– Он никогда не принимает приглашения погостить, кроме как от своих близких друзей, – пояснила Селия тоном милостивого снисхождения.

– Тогда удивительно, что вы вернулись так рано, – заметила Верити.

Селия пожала плечами:

– О, Блейкхерст удалился в бильярдную с другими джентльменами. Теперь можешь причесать меня, Селина. –

Селия удовлетворенно разглядывала свое отражение в зеркале, играя локонами.

Верити напомнила себе, что пряди вырывать нельзя, и взяла щетку для волос, оправленную в серебро.

– О, дорогая, – сказала Селия печально. – Ты только посмотри на эти отвратительные веснушки!

Глядя в зеркало на безупречные черты своей двоюродной сестры, Верити гадала, что за блажь вдруг пришла той в голову.

– Я не вижу, – сказала она неосмотрительно, – но на твоём туалетном столике, если нужно, есть датский лосьон.

Отражение злобно улыбнулось.

– Я имела в виду твои веснушки, Селина.

Верити стиснула щетку, собрав все самообладание, и начала причесывать сестру. Гораздо безопаснее высказать все, что она думает, в подушку.

В роли Селины жить оказалось гораздо проще. Пугающе просто. Порой казалось, что Верити заблудилась в каком-то тумане. Так в один прекрасный день она обнаружит, что не в состоянии найти выход, чтобы вернуться.

Верити расслабленно повела плечами, согреваясь, вбирая в себя ласковые лучи утреннего солнца. Ее не пугала даже полная корзина починки, если она смогла благодаря этому хоть на пару часов ускользнуть ото всех.

Здесь, в центре лабиринта, ей временно ничего не угро-

жало.

– Ах, лорд Блейкхерст! Что за невероятные выдумки! Вы просто ужасный человек!

Жеманно-кокетливый щебет Селии и послышавшийся вслед за тем глубокий мужской голос разбили ее мирок. Господи, что это Селия – которую служанки окрестили «Постельной госпожой» – делает в лабиринте в девять часов утра, наедине с лордом Блейкхерстом?

Очередное хихиканье напомнило Верити, в каком сомнительном положении она оказалась. Девушка вскочила, запихнула в корзину штопку вместе с чулками и туфлями и подавила проклятие, уколов об иглу палец.

На какой они тропинке? Она должна выбрать ту, которая не привела бы напрямиком к Селии с ее кавалером.

Нахмурившись, она слушала. Они были недалеко. Она ждала, готовая сорваться с места. Голоса приближались. Верити напряглась, заметив мелькнувший сквозь узкую прореху в живой изгороди бледно-желтый муслин. Сообразив, что у нее не более пяти секунд, чтобы исчезнуть, она схватила корзинку и побежала босиком по дерну, добралась до бреши в изгороди на противоположной стороне пруда и скрылась из вида.

– Что это было?

От удивленного вопроса Селии Верити застыла. Черт. Они ее слышали. Она затаила дыхание.

– Птичка? Кролик? – предположил лорд Блейкхерст. – Вы

ведь сказали, что здесь должен быть ваш брат?

Верити едва успела подавить взрыв смеха, услышав вопросительную интонацию, в которой не было ни малейшего признака подозрения. Боже мой! Какой простофиля мог попасться на этот трюк!

Не в силах устоять перед соблазном, она выглянула из-за изгороди. Если лорд Блейкхерст не примет мер, он обнаружит, что прикован к...

Ее сердце внезапно остановилось, и она рванула обратно, потрясенная. Этого не могло быть. Неужели!? Не поверив в то, что ей открылось, она сделала глубокий вдох и украдкой бросила другой взгляд. Селия, одетая в свое самое красивое платье из узорчатого муслина, с простодушным намеком приоткрывавшее грациозную лодыжку ниже волана, глядела на... Макса.

Верити затрясло. Она не могла ошибиться. Каждая черта этого лица навеки запечатлелась в ее памяти.

– Может быть, нам следует вернуться, мисс Фарингдон?

– Ну что за ерунда! – Селия расположилась на скамье, изящно прошелестев юбкой. – Кто и что плохое может об этом подумать? В конце концов, такие хорошие друзья, как мы, лорд Блейкхерст...

Такие хорошие друзья?

Голос его светлости сочился равнодушием.

– Желаю вам доброго утра, мисс Фарингдон. Поверьте, мое уважение к вашей репутации значительно перевешивает

любые другие соображения!

Селия вскочила:

– Ах, сэр! Я должна проводить вас, чтобы вы не заблудились. Наш лабиринт прославился тем, что все гости безнадежно теряются в нем!

Верити быстро спряталась за кустами. Ей нужно дать им достаточно времени, прежде чем выбраться. Она прислушивалась к удаляющимся голосам.

Но Макс здесь... почему? Мог ли он действительно ухаживать за Селией? Макс? Ее нежный, ласковый Макс? Разве он знал, что она здесь? О, ради бога! Как бы он узнал?

В ее снах Макс всегда узнавал ее мгновенно, подхватывал, сажал на свою лошадь и увозил. Лорд Блейкхерст – это совсем другое дело. Графы не увозят бедных девушек на драгоценных племенных жеребцах и не делают их счастливыми навеки.

На следующий вечер Макс, граф Блейкхерст, облегченно вздохнул, когда дамы вслед за леди Фарингдон покинули столовую. Разрази его адом пламя, что заставило его принять это приглашение? Он ненавидел подобные сборища. Показная претенциозность и манерность дам, под которыми скрывается чистейшее лицемерие. И господа немногим лучше.

– О, Блейкхерст! Ты здесь, голубчик?

Лорд Блейкхерст повернулся и взглянул на мистера Марлбери.

– За тобой ведется охота, – предупредительно сообщил Марлбери.

Макс посмотрел на него без выражения. Он это знал.

– Бренди! – подсказал Марлбери.

– Ах да. – Макс осознал, что Торнфилд, сидящий слева от него, пытается передать ему графин бренди. – Прошу прощения, Торнфилд. – Он налил себе стакан и сделал осторожный глоток. Ему едва удалось подавить содрогание. Такая же гадость, как вчера вечером. Боже, чего только не делает человек, угрызаемый чувством вины: вот, к примеру, принимает приглашение на кошмарную вечеринку и пьет кошмарный бренди.

– Я говорю, Блейкхерст, – Торнфилд понизил голос, – что мисс Селия, похоже, тобой очарована!

Макс допил бренди. Одно он может гарантировать: пусть мисс Селия очарована им, но он-то ею не очарован. Пальцем он не пошевелит. И в лабиринт заходить не будет.

– Конечно, если это тебя не привлекает, – продолжал Торнфилд, проявляя замечательное чутье для человека, выпившего такое количество спиртного, – то всегда можешь развлечься с Фанни Монкриефф или Кейт Хайбери. С ними не требуется вступать в брак. – Он сделал попытку похотливо подмигнуть.

Макс дал ему уклончивый ответ и напомнил себе, что он, в конце концов, имел определенную репутацию..

Ах, черт! Слишком поздно менять стратегию. Он уже

здесь, и должен был появиться здесь много лет назад. Но ведь, даже приехав, ничего не добился. Он никого не нашел, так что придется без обиняков спросить хозяина.

В конце концов он отбросил такт, зажав хозяина в угол, когда они покинули столовую.

– Фарингдон, могу я поговорить с вами наедине?

Лорд Фарингдон моргнул. А потом улыбнулся.

– Ну, конечно, Блейкхерст. Моя библиотека – вполне уединенное место. Сюда, пожалуйста!

Макс разглядывал его с крайней неприязнью. Боже мой! Этот человек буквально потирал руки от радости! Чего, черт возьми, он ждет?.. И тут ему открылась истина. Фарингдон думал, что он собирается сделать предложение. Селии. Мысленно проклиная собственный идиотизм, Макс последовал за хозяином дома в библиотеку.

– Еще бренди, Блейкхерст?

Макс сохранил самообладание.

– Нет. Благодарю, – холодно отозвался Макс. – Лорд Фарингдон, я хочу знать, можете ли вы сообщить мне какие-либо сведения о мисс Скотт.

– Мисс Скотт? – Бренди выплеснулся из бокала лорда Фарингдона.

Макс нахмурился, видя такую реакцию. Глаза Фарингдона заметались под его жестким взглядом.

Он надавил, не давая передышки:

– Да. Мне известно, что она доводится племянницей леди

Фарингдон и находится под вашей опекой. Ее покойный отец был моим командиром, и я решил справиться о ней.

– Ах вот что. – В голосе Фарингдона послышалось явное презрение. – Боюсь, ее больше нет с нами.

Гнев захлестнул Макса, и он отшатнулся, пристально глядя на Фарингдона. Что ж, именно этого он и опасался. Верити Скотт спровадили бог знает куда. Туда, где ее трагическая история могла бы не смущать Фарингдонов, высоко стоящих на социальной лестнице.

Он с удовлетворением увидел, что Фарингдон побледнел.

– Может быть, вы могли бы дать мне ее адрес, Фарингдон? Я хотел бы засвидетельствовать свое почтение.

Лорд Фарингдон быстро произнес:

– Боюсь, вы не поняли меня, Блейкхерст. Когда я сказал, что мисс Скотт уже нет с нами, я имел в виду, что она... что она...

Холодный ужас, пронизанный болью потрясения, охватил Макса.

– Она умерла. – Это было утверждение, не вопрос, и что-то внутри его разорвалось, когда лорд Фарингдон наклонил голову в знак согласия. – К-когда?

– О, знаете, довольно скоро после того, как попала к нам. – Лорд Фарингдон изобразил сокрушенный вздох. – Все это очень печально, конечно, и все же так лучше, сомнений нет. Понимаете, после позорной смерти Скотта мало что можно было для нее сделать. Осмелюсь сказать, она это чувствовала.

ла.

– Не сомневаюсь, что чувствовала. – Макс с трудом узнал свой голос, хриплый и дрожащий. – В таком случае, я так понимаю, она похоронена на кладбище. Я почту ее память там.

Колокольчики. Ей нравились колокольчики.

Лорд Фарингдон выглядел так, будто сейчас задушит себя собственным галстуком, так он его дернул.

– А... э... гм... видите ли, Блейкхерст... могила не отмечена, понимаете ли. Грустно, очень грустно. Наследственная слабость крови, без сомнения. Рад, что это миновало мою семью.

По мере того как Макс осознавал произнесенные Фарингдоном слова, в груди его разливался холод. Могила не отмечена...

Он слепо повернулся и вышел из комнаты, не сказав более ни слова.

Верити выскользнула из кухни, едва закончив помогать пересчитывать серебро. Она поспешила по верхним коридорам к черной лестнице, которая вела в ее спальню. Звук шагов, поднимающихся по главной лестнице, поторопил ее еще больше. Ее тетка совершенно ясно дала понять, чтобы она не показывалась на глаза гостям.

Достигнув черной лестницы, она подхватила юбки и полетела через две ступеньки, но испустила испуганный вскрик,

когда от стены отделилась тень и вцепилась в нее. Знакомый запах бренди ударил ей в нос.

– Отпустите меня, Годфри! – Она оттолкнула своего перебравшего двоюродного брата и попыталась увернуться от него, но в ограниченном пространстве он легко ее схватил.

– Всего лишь братский поцелуй! – Он плотоядно пялился на нее.

Верити оказалась в ловушке между Годфри над ней и кем-то, поднимающимся из зала.

– Перестаньте! – прошипела она.

Он схватил ее за запястья и потащил к себе.

– Без поцелуя не уйдешь, – пробормотал он.

– Нет! – Давясь, Верити пнула его и зацепилась за его голень, ударившись носком.

Этого было достаточно. Годфри вскрикнул от боли и толкнул ее так, что она споткнулась и потеряла равновесие.

Приземление испугало ее еще больше. Вместо того чтобы упасть на пол, она оказалась в спасительном кругу крепких рук. Изумленная, она взглянула на смуглое, суровое лицо, на котором горели пристальные янтарные глаза.

– Боже! – выдохнула она. – Вы здесь?

Темные брови поднялись в немом вопросе.

– Мы знакомы?

Ее мир перевернулся с ног на голову, когда она взглянула на этого человека.

– Н-нет, – солгала Верити. – Вы испугали меня. Благода-

рю вас, сэръ. И... я не знала, что тут кто-то есть. И... я поскользнулась.

– Правда? – В глубоком голосе прозвучало небрежное любопытство. – А Фарингдон тоже поскользнулся?

Верити не сумела сдержать содрогания. Вдруг ее локоть оказался в крепкой хватке.

– Вам пора уходить, Фарингдон, – продолжал ее спаситель. – Будем считать, что мы поняли друг друга.

Годфри показался на лестнице, и Верити с нехристианским удовольствием отметила, что ее отчаянное сопротивление оставило на его лице кровавые царапины.

– Что это с вами? – вспыхнул Годфри. – Это не ваш дом!

Лорд Блейкхерст улыбнулся без малейшего следа юмора:

– Капризам гостя всегда следует потакать, Фарингдон. Похоже, девчонка не готова вас обслуживать. Вы обяжете меня, если оставите ее в покое. Это ясно?

Девчонка? Верити только поперхнулась, проглотив возмущение. Безопасней будет, если он действительно сочтет ее одной из горничных.

Годфри ослабилась:

– Не готова? Да она всегда готова...

Ей показалось, что Блейкхерст стал еще выше ростом.

– Вон. Пока не забыл, что я здесь гость.

Годфри ретировался, бросив еще один злобный взгляд на Верити.

– Минуту.

Она медленно обернулась. Почти против воли взгляд ее поднялся к его лицу.

– Милорд?

– Ты озадачила меня, девушка. Ты служанка?

Пять лет назад, даже три, Верити отвергла бы это предположение не задумываясь. А теперь... теперь, когда она знала, что ее легко можно выгнать, что ей некуда больше пойти, теперь, когда она поняла, на что похожа была бы ее судьба, если бы они вышвырнули ее, она колебалась.

– Твоя речь не похожа на речь служанки, – настаивал он.

– Я домашняя учительница, – пробормотала она. Это была не совсем ложь. Она пыталась учить младших девочек в промежутках между наемом платных гувернанток.

– Вот оно что. – Похоже, он поверил. – Я расскажу об этом вашей хозяйке и...

– Ради бога, нет! Меня уволят.

– Как тебя зовут?

Она чуть не задохнулась, но все-таки сумела выговорить ненавистное имя:

– Селина Деринг, милорд.

И тут послышался другой голос.

– А что происходит, могу я поинтересоваться?

Глава 2

При звуке голоса тети Фарингдон Верити захотелось превратиться в камень.

– Ах, это ты, Селина! Вот дрянь! Убирайся в свою комнату! – Леди Фарингдон повернулась к лорду Блейкхерсту и расцвела медовой улыбкой: – Я прошу прощения, лорд Блейкхерст. Люди этого сорта никогда не знают, где их место.

Она повела лорда Блейкхерста прочь, через плечо бросив на Верити взгляд, обещавший назавтра суровое возмездие.

Верити отступила к лестнице и побежала в свою темную стылую каморку. Закрыв за собой дверь, она прислонилась к ней, дрожа в холодной темноте. Потом она зажгла сальную свечу, вытащила из-под подушки дневник своего отца и легла в постель.

Она никуда не могла спрятаться от правды.

Лорд Блейкхерст, предполагаемый проситель руки Селии, был ее Максом.

Оцепенев, она позволила книге раскрыться на случайной странице. Запись о начале кампании Ватерлоо, там, где ее отец впервые упоминает «...новоприбывшего, досрочно произведенного в майоры Макса Б. Я не назову его ни здесь, ни впоследствии. Его родовое имя и положение играют не последнюю роль в том, что лежит между нами. Однако он

славный парень и один из тех, на кого я рад буду положиться, когда мы наконец столкнемся с Бонапартом. От его прежних командиров я получил хорошие отзывы о его уме и храбрости...»

Это было первое из многих упоминаний. Видимо, полковник Скотт очень привязался к своему младшему офицеру. Почти как к сыну. «Я думаю, что Мария одобрит его, да и Верити он понравится. Он нежен с женщинами и детьми».

Она жадно читала рассказ отца о тех нескольких неделях, что оставались до Ватерлоо. Макс упоминался там регулярно.

Но сильнее всего в ее памяти запечатлелись его доброта и забота об осиротевшем ребенке... нежен с женщинами и детьми...

Он был так же реален и дорог ей, как сама жизнь. И тот Макс, которого она нашла в дневнике отца, уверил ее, что человек, который посадил колокольчики на могиле самоубийцы, охранял ее сон и оставил ей достойный завтрак, не был плодом ее воображения.

А теперь он был здесь, в доме, где якобы ухаживал за ее двоюродной сестрой.

Вздвогнув, она положила дневник на место и задула свечу. Она никогда не думала, что он мог оказаться таким важным человеком. Ей надо о нем забыть.

Отделавшись от излишней леди Фарингдон, Макс прошел

в бильярдную, где обнаружил всех джентльменов, за исключением Годфри. Он мог только надеяться, что убедил леди Фарингдон, что вина за столкновение с несчастной Селиной лежала полностью на нем. И все же он в этом сомневался.

Глаза девушки преследовали его. Темно-серые, подернутые тенью. Доверчивые. Они задели в нем странные струны. Так на него смотрела еще только одна девушка. Он не смог помочь Верити Скотт. И будь он проклят, если не поможет этой девушке. Например, спокойным голосом высказав некоторые угрозы.

В конце игры он произнес:

– Мне нужно перекинуться с вами парой слов, Фарингдон, будьте добры.

Фарингдон медленно повернулся, очень осторожно сформулировав свой ответ:

– Если это о том деле, которое вы упомянули ранее...

Макс медленно вздохнул:

– Не совсем, сэр. Только о том, что вам следовало бы поговорить с вашим сыном. Я видел, как сегодня вечером он... излишне настойчиво ухаживал за одной из ваших горничных.

Фарингдон удивился:

– За... горничной? Какой именно?

Вспомнив широко раскрытые глаза Селины, испугавшейся увольнения, Макс ответил:

– Откуда я знаю?

Фарингдон пожал плечами и взял свой кий.

– Ну что ж, это просто горничная. Молодые люди должны иметь свои удовольствия. И девицы не против.

Лед застыл в венах Макса.

– Уверяю вас, она была категорически против, – резко заявил он. – И я, не колеблясь, скажу об этом всякому, кто меня спросит. – Если кто-нибудь спросит. Фарингдону явно наплевать. – В конце концов, – добавил он, – вы ведь не хотите, чтобы кто-нибудь стал задавать вам вопросы насчет трагедии мисс Скотт, не так ли?

К его полному изумлению, собеседник побелел как мел:

– Нет, я, конечно, поговорю с Годффри, но, Блейкхерст, это же всего лишь служанка!..

Макс вышел, не сказав ни слова.

Он ушел в спальню, где обнаружил своего бывшего ординарца, складывающего сорочки.

– Какого черта ты здесь делаешь? – проворчал он.

Хардинг усмехнулся:

– Свою работу, сэр. Я ее выполню лучше, чем здешние слуги. Ну что, сэр, удалось?

Макс задержал дыхание. Затем выдохнул. Смерть Верити Скотт была еще слишком свежей раной.

– Нет. Спокойной ночи, Хардинг.

Макс упал в кресло. Все, чего ему хотелось, – тишины и покоя, чтобы можно было подумать. Чтобы полностью принять тот факт, что с Верити Скотт он потерпел поражение –

точно так же, как потерпел поражение с ее отцом.

На следующее утро, восседая в своем будуаре на диване, крытом балдахинном, леди Фарингдон вдохновенно отчитывала свою заблудшую племянницу:

– И чего только ты добивалась, втираясь в расположение лорда Блейкхерста? Вероломная маленькая потаскуха!

Верити на мгновение прикрыла глаза от страха. Она могла сказать правду о том, что хотел от нее Годфри, – и быть обвиненной в попытке заставить его на ней жениться.

Таким образом связать свое имя с Годфри... Лучше умереть.

Глубоко дыша, она погрузилась в себя, отдалившись от потока брани, от ненависти.

Вдруг распахнулась дверь, пропуская лорда Фарингдона. Его выпуклые глаза обратили горящий взгляд на Верити.

– Вон, – отрезал он.

Радуюсь, что можно убраться, Верити направилась к двери. И услышала, открывая ее, как лорд Фарингдон спросил:

– Что за дьявол случился между тобой и Блейкхерстом прошлой ночью, мальчик мой?

Верити торопливо наклонилась к замочной скважине. Она привыкла слышать о себе только плохое, и порой ей не помешало бы для безопасности узнать немного больше.

– Довольно, милый мой! Ты прекратишь это ребячество до тех пор, пока Блейкхерст не покинет этот дом! Последнее,

что нам нужно, – это...

Чем было это последнее, Верити узнать не удалось. Заслышав шаги, она выпрямилась и убежала. Она услышала достаточно. В следующие несколько дней она будет в безопасности. Может быть, это даст ей время подумать о побеге, что за последние пять лет не приходило ей в голову.

Верити сложила вторую простыню и добавила ее в стопку починенных вещей. Осталась еще третья. Быстрый взгляд на часы подтвердил, что у нее достаточно времени. Гости с хозяевами еще на лодочной прогулке.

Внезапно открылась дверь, и знакомая высокая фигура влетела в комнату, закрыв за собой дверь с удивительной скоростью и столь же удивительным беззвучием. Мужчина не сказал ни слова, но озирался по сторонам.

Верити моргнула, когда лорд Блейкхерст направился к большому шкафу в углу. Двери стояли раскрытыми настежь, и, к ее полному изумлению, он юркнул в темный угол за дверью. Так и не нарушив молчания.

Через минуту дверь открылась, и заглянула леди Монкриефф:

– Эй, прислуга! Его светлость тут не проходил?

Глаза Верити невольно сузились. Со своего места она видела упомянутую светлость. Он едва заметно покачал головой.

Дверь с треском захлопнулась.

– Спасибо, – дружески улыбнулся лорд.

Верити коротко произнесла:

– Думаю, вам надо уходить. Если вас здесь застанут...

– Мисс... мисс... Селина, вы не боитесь ли меня, ча-
сом? Может быть, вы на мгновение представили, что я питаю
к... – он заколебался, – что я буду вести себя по отношению
к вам, как Годфри Фарингдон?

Верити порывисто вздохнула:

– Вы? Как Годфри? О нет!..

Его взгляд стал острее.

– Вы очень уверенно это говорите.

Она взяла себя в руки.

– Я... я... да. Ваше доброе имя свидетельствует, что вы...
что вы... Во всяком случае, я уверена. Но пожалуйста, ухо-
дите!

Он не ответил. Вместо этого подошел к ней, медленно поднял руку и провел тыльной стороной пальцев по ее щеке, обвел линии подбородка, мягко дотронулся до шеи. Все заповеди здравого смысла и скромности взбунтовались в ней, требуя, чтобы она отвела его руку. Она не двинула ни пальцем, оставаясь в плену его нежного, лишавшего сил прикосновения. Когда и кто в последний раз касался ее так нежно?

Ответ потряс ее до глубины души. Почти пять лет назад. Макс Блейкхерст. Только теперь его прикосновение лишило ее покоя, волной дрожи прошло по ее телу.

Спустя мгновение его рука упала. Он наклонил голову:

– До свидания, Селина.

Дверь за ним закрылась. Верити медленно подняла руку и провела ею по следу его пальцев.

* * *

Через двадцать минут Макс выехал из конюшни. Если ле-ди Монкриефф преследует его по всему дому, отступление было единственной разумной тактикой.

Он пришпорил кобылу, ища забвения в перестуке летящих копыт и мощном движении мышц под его седлом.

Несколькими милями далее затрудненное дыхание лошади подсказало ему, что пришло время возвращаться к дому. Он остановил взмыленное животное, спешил и ослабил подпругу.

– Тише, девочка. – Он обтер потную морду. – Я немного пройду. Дам тебе передышку.

Чувство вины и отвращения к себе не оправдывает попытку загнать лошадь. Спешить некуда, он может потратить на обратную дорогу массу времени. А когда он вернется, принесет извинения и отбудет. Ничто более не держит его в Фарингдон-Холл.

Или?..

Глубокие серые глаза возникли перед ним. Настороженные глаза, чуть прикрытые веки, окаймленные темными ресницами. Селина... как там ее фамилия? Деринг. Селина Де-

ринг. Он зашел в тупик. Дьявол, да почему он решил остаться ради Селины?

Все его тело напряглось, пока он медленно шел вперед, мысленно представляя себе все, что они могли бы сделать друг для друга. С того момента, когда той ночью она упала в его объятия, он ощущал притяжение к ней. Он хотел ее.

Ее очевидное нежелание иметь с ним что-то общее задело его за живое. Большинство девушек в ее положении изо всех сил расточали бы томные улыбки, с ног сбивались бы – в буквальном смысле, – чтобы возбудить его интерес. Нет, Селине так скоро от него не избавиться. Боже, она должна быть сладкой...

Нет! Будь он проклят, если поведет себя как Фарингдон, силой заставляя девушку покориться ему. Нет, ты так не поступишь. Все, что тебе нужно сделать, – это предложить. Она сможет отказаться. И она откажется.

Тут другая правда предстала перед ним. Когда он ушел, что могло помешать Годфри продолжить начатое? Вероятно, самое большое – он выиграл для девушки передышку. У него вырвалось проклятие. Ему хотелось как можно скорее отряхнуть прах этого дома с ног своих, но он не мог. Пока не уверится целиком и полностью, что Селина в безопасности.

Его пригласили погостить тут две недели. Осталось чуть более одной. Этого достаточно, чтобы завоевать доверие Селины – и ее чувства.

Чувства? С какой стати он решил об этом заботиться? С

каких это пор его стали интересовать чувства какой-то из его многочисленных любовниц? Все, чего ему было от них нужно, – пара месяцев простого и скромного удовольствия. Ну три, но не больше. Ну, может быть, не совсем скромного...

Ну ладно. Разумеется, нескромного. Но не более трех месяцев. Как бы они ни были привлекательны. Итак, вывод прост: он хочет Селину. Вместе с ее веснушками.

Но если она его не хочет?

Он отогнал эту мысль. Взять ее к себе в качестве любовницы – это самый легкий и приятный способ ее защитить. Вот и все.

На следующее утро, торопливо идя по верхнему коридору, Верити услышала тихий умоляющий голос: – Нет, сэр, не надо... пожалуйста...

Она на мгновение заколебалась. Ей следовало помочь Селии подготовиться к верховой прогулке с гостями... Послышался испуганный всхлип, а затем звон, треск и вопль отчаяния. Гнев смел остатки ее осторожности. Подхватив юбки, она пустилась бегом, обогнула угол и увидела одну из младших горничных, Сьюки, сидящую в слезах над грудой разбитого фарфора. Пальцы ее в бессмысленном отчаянии перебирали осколки.

Над ней стоял Годфри с веселой улыбкой на лице.

– В следующий раз будешь думать, прежде чем отказываться, поняла?

Верити почувствовала тошноту. Это означало, что Сьюки уволена. Она повернулась к виновнику, разъяренная, как тигр:

– Оставьте ее в покое! Разве вы не достаточно сделали? Уйдите сейчас же!

Верити едва подавила проклятие, заметив приближающуюся леди Фарингдон, лицо которой пошло пятнами от злости при виде разбитого чайного сервиза. Леди повернулась к горничной:

– Вон! Иди собирай свое тряпье. Я увольняю тебя без выходного...

– Сьюки не виновата!

Тирана леди Фарингдон прервалась. Ее глаза просверлили Верити.

Непреклонно встретив ее взгляд, Верити бессовестно солгала. Правда не поможет.

– Я спешила. Я наткнулась на Сьюки сразу, как вышла из-за угла. Она не виновата.

Нужно оставить объяснение в таком виде. Никаких подробностей.

Она задержала дыхание.

То же самое, но со своей стороны двери в спальню сделал Макс. Очевидно, Годфри не ограничивался домогательствами к Селине.

Он открыл дверь немного больше. Леди Фарингдон стояла к нему спиной и выглядела так, будто в ее платье нарядили

кочергу. Он перевел взгляд на Селину, стоящую между своей хозяйкой и плачущей горничной. Ее лицо было пустым, без выражения, глаза опущены.

На минуту воцарилось молчание. Он видел, как дрожит от напряжения тело Селины, которая готовилась к неизбежному.

Затем последовало быстрое движение и звон пощечины. Селина стояла не шевелясь, только ее щека ярко запылала от удара.

Даже не осознав этого, Блейкхерст оказался рядом.

– Доброе утро, леди Фарингдон. Маленькая домашняя неприятность? – Он избегал Селининых глаз. Если бы он увидел отпечаток на щеке, то мог бы просто задушить хозяйку.

Леди Фарингдон побледнела, ее рука дернулась и прикрыла рот.

– Ах!

Макс ждал. Если она ударит Селину снова...

– В чем дело, лорд Блейкхерст? Я надеюсь, мы не побеспокоили вас? – С подавленной злостью она повернулась к Селине: – Наглая девчонка! Я разберусь с тобой позже. Годфри, наши гости в сборе и ждут начала поездки. Ты уже должен быть внизу. – Ее улыбка стала любезной. – А вы, лорд Блейкхерст? Вы не едете?

Он солгал без колебаний:

– Собирался поехать, но мне нужно написать письмо. Я

присоединюсь позже.

Возвратившись в свою комнату, Макс услышал удаляющиеся по коридору шаги. Он подумал, что присоединиться к гуляющей компании все же надо. Но не сейчас. Он еще кое-что должен сделать.

Глава 3

Он нашел ее в классной комнате. Поначалу она не сознавала, что дверь открыта и он смотрит на нее. Девушка прибирала комнату аккуратно, быстро и расчетливо. Складывала бумагу, опорожняла чернильницы, ставила на место книги. У нее остался красный след на щеке, но она и без того выглядела усталой. Под глазами ее залегли тени, похожие на легкие синяки.

Глубоко внутри в нем рос гнев.

– Вы в порядке?

– Ах! – Книги с грохотом посыпались из ее рук.

– Позвольте мне вам помочь. – Он нагнулся. – Что это? Мисс Мангнелл? И – боже – «Зеркало грации»? Как стать настоящей юной леди? – Он наморщил нос. – Моя тетя Альмерия буквально молится на эту книгу.

– Тогда я рада, что незнакома с ней, – пробормотала Селина.

Макс фыркнул от смеха:

– Я тоже.

Она покраснела.

– Прошу прощения. Я не должна была так говорить. – Настороженные серые глаза взглянули на него снизу вверх. – В любом случае что вы здесь делаете?

Красный след на щеке взывал к возмездию. Подавив про-

клятие, он протянул руку и осторожно коснулся его.

– Я пришел посмотреть, в порядке ли вы. Больно?

Она вздрогнула, и Макс опустил руку.

– Этого больше не произойдет, – негромко сказал он.

Она не ответила на его взгляд и наклонилась, чтобы подобрать книгу с пола.

– Вы не можете этого знать. – Ее пальцы, стиснувшие книгу, побелели.

– Я это знаю, – сказал он. – Почему вы так поступили, Селина? Без сомнения, она уволит вас, как только найдет время нанять другую гувернантку. Почему бы не сказать ей правду?

– Вы думаете, она бы мне поверила? – Осторожные пальцы принялись разглаживать листы пострадавшей книги. – И даже если бы поверила, она бы решила, что Сьюки сама этого захотела. Что она намеренно привлекла внимание Годф... мистера Фарингдона. Ее бы уволили еще быстрее.

Он не мог отрицать, что она права. Но все-таки... совесть подсказала ему, что это ничтожное жульничество – делать ей такое бесчестное предложение, когда она в отчаянии. Он мысленно чертыхнулся. Но что еще он мог сделать? Бросить ее скитаться без приюта? Голодать? Или еще хуже?

Его совесть, которая никогда не проявляла большого интереса к его отношениям с прекрасным полом, подсказала ему, что он собирается предложить девушке именно то, что в точности подпадает под определение «еще хуже».

Он собирался соблазнить Селину. Ласково. И сделать так, чтобы у нее было все, чего она только пожелает. Но сможет ли она... после Годфри? Нет, лучше подводить к этому постепенно.

– Селина... куда вы пойдете?

Озадаченные серые глаза встретили его взгляд.

– Куда пойду? О чем вы говорите, милорд?

– Когда ваша хозяйка вас уволит, – терпеливо пояснил он.

– Куда идти? – Он увидел, что она судорожно сглотнула. –

Да. Я... Она не будет меня увольнять.

Макс, которого оборвали, прежде чем он договорил начатое, моргнул:

– Простите?

– Она не будет меня увольнять.

Невозможно поверить, что она действительно может так думать. Макс приступил снова:

– Селина... не глупите. Задумывались ли вы о другом месте? Другом... положении.

– Нет. У меня нет рекомендаций. Но она не станет меня увольнять.

Он подавил неуместный смешок. Рекомендации? Он никогда бы не попросил рекомендаций. Все рекомендации, которые ему требовались, предстали перед ним в этой комнате с аккуратно разложенными перьями, книгами и потертым глобусом. Отказавшись от этой линии, он спросил осторожно:

– Сердце мое, чего вы хотите?

Она повернулась, широко раскрыв глаза:

– Почему вы назвали меня так?

Он не знал. Ни одну женщину он никогда так не называл. Но чувствовал, что это правильно. Ей это подходило как нельзя лучше.

– Что вам нужно? – повторил он, не отступая. Видя, что ее недоумение усиливается, он добавил: – Вообще, от... от жизни.

– Семья.

– Э... что?

Она покраснела и отвернулась:

– Не нужно издеваться. Я знаю, что это невозможно. Но вы задали вопрос. – Ее голос сорвался, перевернув его мир вверх дном.

Он осторожно спросил:

– Вы хотите детей?

Его любовницы все как одна принимали всевозможные меры предосторожности против подобной катастрофы. Любовница, которая хочет ребенка? Глубоко внутри у него что-то сжалось.

Она не ответила, принявшись вытирать пыль. Он нахмурился. Ей незачем было делать это снова.

– Селина?

Наконец она ответила:

– Это было бы слишком хорошо. Но я имела в виду нечто,

к чему бы я... я хотела бы... принадлежать. Чтобы быть частью жизни людей. Не вечно быть одной.

Мир Макса испытал второе потрясение.

– У вас нет семьи?

– Я никого не могу назвать своей родней. – Ее голос стал напряженным. – Мне некому дарить подарки. Что и хорошо, поскольку мне нечего дарить.

Его сердце болело за нее, даже когда он понял, какие преимущества это ему давало. Нет родни. Никто не придет в ужас, никто не будет стыдиться того, на пороге чего она стояла. Никто не откажется ее признавать отныне и вовек. Он проигнорировал упрек совести, которая подсказала ему, что это делало ее еще более уязвимой. Она должна принадлежать ему. Он – ее убежище. Макс подошел к ней, взял тряпку из ее рук и отбросил.

Его близость, его длинные пальцы, легшие на ее руку, расстрожили Верити. Все в ней напряглось и замерло в ожидании. Что же он творит? Потрясенная, она смотрела на него. Это ошибка.

– Нечего? – Его улыбка стала откровеннее, а вместе с ней в глазах его загорелся жадный огонь. Что-то, от чего в самой сердцевине ее разлилось горячее тепло.

Верити неуверенно покачала головой.

– У меня ничего нет, – повторила она.

– У вас есть то, чего я хочу.

Его глубокий голос был полон ласки, и она поняла, что он

подвинулся еще ближе, что его тело коснулось ее, что крепкий, пронзительный запах его одеколона окружил ее, перебивая запахи комнаты.

– Так как насчет другого положения, Селина? – тихо спросил он.

Что? Ее разум не мог сосредоточиться, впитывая его близость, стремясь приникнуть к нему.

Его рука дотронулась до ее лица, потянулась к непослушному локону. Он не стал убирать его вовсе, но вместо этого запустил пальцы в ее волосы шокирующе интимным жестом. Верити почувствовала, как его палец медленно обвел ее висок, затем спустился ниже, погладил щеку, подбородок, шею...

Жар прилил к ее лицу, и странная боль вторглась в грудь, в живот. Сердце вдруг заколотилось учащенно и мощно. Широко раскрыв глаза, Верити смотрела на Макса. Все ее тело нетерпеливо дрожало, охваченное фантастическим ощущением нереальности.

– Милорд? – Ей стало трудно дышать. – Я... я не понимаю...

– Тогда я должен объяснить, – пробормотал он.

Ее дыхание участилось. Никогда еще голос человека не пронизывал ее так, как сейчас. Но ведь никогда и никто ранее не говорил с ней, сжимая ее руки и щекоча губами ее ухо.

Задышавшись и дрожа, она подняла взгляд и встретила пронзительный янтарь его зрачков, приблизившихся на расстоя-

ние нескольких дюймов. Она чувствовала себя пойманной его теплом, его силой, запахом его одеколona и тем пряным мужским запахом, что проступал исподволь. Ее рука неуверенно поднялась, привлеченная легкой шероховатой тенью, обметавшей его подбородок. Ей захотелось потрогать его, проверить, каков он на ощупь.

Нет, нельзя. Она поняла теперь, чего он хотел. Все заповеди скромности и приличия, все остатки здравого смысла зывали в ней: осторожно! беги!

Она подняла лицо и почувствовала теплое, нежное прикосновение его губ. Какое же это счастье, когда к тебе прикасаются тепло и нежно. И... страстно? Его губы прикоснулись к ее губам легчайшим и кратчайшим из поцелуев. Наслаждение пронзило ее насквозь. Ее охватило его теплом. Ее губы раскрылись в беззвучном вздохе, и на мгновение поцелуй стал глубже, завладел ею целиком и вдруг окончился, прежде чем она смогла поверить, что это происходит на самом деле. Последняя ласка овеяла уголок ее рта – и он отступил, освобождая ее.

Глаза ее широко распахнулись, ресницы затрепетали. Она даже не поняла, что закрывала глаза. Он был все еще близко, достаточно близко, чтобы Верити могла видеть, как пульсирует тонкая жилка на его горле.

Его голос, спокойный и мягкий, произнес:

– Возможно, так будет понятнее.

Она только кивнула, уверенная, что ее голосу не хватит

дыхания. А потом удивилась, почему кивнула так, будто ей действительно стало понятнее. Да нет, она только запуталась еще больше. Как он может говорить так равнодушно? Он ведь поцеловал ее, да так, что ее голова закружилась. Она мрачно напомнила себе про леди Монкриефф. Он привык к красивым женщинам. Женщины, которые знают, как... как угодить мужчине, что бы это ни означало. Так закружилась ли его голова? Почему он вообще поцеловал ее? Он не мог хотеть ее. А если?..

– Ну, Селина? Теперь вы понимаете? Не для каждого места требуются рекомендации. И я могу заверить вас, что был бы куда более ласковым любовником, чем Годфри Фарингдон.

Напряжение вновь ее скрутило. Осторожно, медленно она шагнула назад, чувствуя на себе его неотступный взгляд, готовая к тому, что в любое мгновение он опять ее схватит, заключит в свои объятия. Мужчины на самом деле не просят. Мужчины берут.

– Я... мне не следует быть здесь, милорд. Пожалуйста, простите меня.

Макс выругался. Она ему отказала. Без колебаний. А ведь здесь она жила как в аду. С ней обращались как с рабыней. Как можно предпочесть эту пытку связи с ним – связи благородной и хорошо оплачиваемой? Очевидно, она не низкого происхождения. Ее речь не похожа на речь служанки.

Может быть, его предложение просто потрясло ее.

После того, что Годфри, без сомнения, с ней сделал? Он медленно пошел к двери.

Желание по-прежнему болезненно отдавалось в нем десять минут спустя, когда он добрался до бильярдной. Взяв кий, он стал обдумывать свой следующий шаг. Свой следующий шаг? В тех редких случаях, когда женщина ему отказывала, он принимал ее ответ и прекращал преследование.

Он послал красный шар в лузу. Почему так трудно принять отказ Селины? Он покачал головой. Хотел ли он когда-либо женщину настолько, что его тело продолжало болеть после того, как она ему отказала и ушла?

Возможно, ей нужно время, чтобы подумать. Она ведь не то чтобы отказала...

Он сам не знал, чего хочет. Знал только, что Селина была совсем иной. Что, принимая ее под свою защиту, он должен делать именно это. Защищать ее.

Верити лежала в постели и дрожала. Дневное тепло еще держалось в комнате, но она не могла остановить дрожь. Ее память отказывалась прислушиваться к мудрым советам, храня в себе нежную силу его рук, ласковую настойчивость поцелуя. Это уже было достаточно скверно, но и тело присоединилось к предательству, приводя ее в изумление. Что за развратное создание внутри ее исходило болью и трепетало при одной мысли о поцелуе, длившемся не более трех

секунд?

Все равно что целую жизнь. Она не посмеет увидеть его еще раз. Она мрачно призналась себе, что это не ему она не доверяет. Скорее, она не может доверять себе. Все ее существо кричало, требуя позволить ему прикоснуться к ней, обнять ее.

Остановись! Он хочет гораздо большего, чем просто обнять ее. Он хочет именно того, чего хочет Годфри. И ничего другого.

Нет! Она не согласится, она не может. Она не должна. Все не настолько плохо, чтобы продаваться в блуд. Кроме того, возможно, он не хотел делать ее своей любовницей. Возможно, она совершенно не поняла его, а он просто хотел переспать с ней, пока находится здесь. Это гораздо более вероятно. Даже если он хотел большего... Она шарахнулась от этой мысли, потрясенная собственной слабостью.

Тихий голосок поинтересовался: долго ли она сможет удерживать Годфри на расстоянии? Может быть, лучше...

Нет! Если бы только она могла придумать, как уйти, достигнув совершеннолетия! Осталось чуть более года. Она закрыла глаза в отчаянии перед горькой действительностью. У нее нет ничего – ни денег, ни знакомств. Она не будет в большей безопасности, если уйдет.

Легкий стук в дверь заставил ее подскочить. Кого тут волнует вежливость, чтобы стучать? Конечно, не Годфри...

– Селина? Вы не спите? – Глубокий голос вонзился в нее,

точно копьё. Что ему могло здесь понадобиться?

– Н-нет...

– Могу я войти?

– Как я могу остановить вас?

– Сказав «нет», – послышался тихий ответ.

Встревоженная, она поняла, что произнесла последние слова вслух. И что она останется в безопасности, даже если позволит ему войти.

– Входите. – Она почувствовала, что это простое слово поставило ее на край пропасти.

Поплотнее подоткнув одеяло, она опасливо следила, как открывается дверь и входит Макс. Лампа, которую он нес с собой, распространяла мягкий мерцающий свет, и она увидела его лицо в тени таким, каким оно помнилось ей эти пять долгих лет. В этом свете она могла почти забыть, что его имя Блейкхерст. Она почти могла притвориться, что это был один из ее снов, в котором произошло чудо и Макс приехал ее забрать. Почти.

– Можно мне сесть?

– Если найдете на что, – сказала она умышленно неприветливо.

К ее совершенному ужасу, он устроился на выступе дорожного бюро. Он, казалось, держался напряженно. Может, оттого, что ему было неудобно сидеть? Потом она увидела, как вспыхнули его глаза в свете лампы, и ей показалось, что он что-то сдерживает в себе, что-то, от чего идет опасный

жар.

– Я пришел, чтобы убедиться, что вы поняли, какое предложение я сделал вам сегодня утром. Мне нужно больше, чем случайная связь. Я хочу сделать вас своей любовницей, Селина. Если вы по-прежнему отказываетесь, так тому и быть, но мне казалось, что мою защиту вы могли бы найти более приемлемой, чем преследование Фарингдона.

Нежен с женщинами...

– Почему?

Ей показалось, что он моргнул.

– Почему? Потому что я вас прошу, Селина. Не заставляю вас. Если вы станете моей любовницей, это произойдет лишь с вашего согласия.

– Нет. Я имела в виду, почему вы хотите взять в любовницы именно меня?

– Разве это не очевидно, Селина?

– Нет.

– Потому что я желаю тебя, разумеется. – Внезапная хрипотца в его голосе потрясла ее. – Потому что я хочу сжать тебя в своих объятиях и расцеловать тебя и каждую из твоих чертовых веснушек. Потому что я хочу видеть, как твои глаза темнеют от желания, когда я занимаюсь с тобой любовью.

Словно не в силах совладать с собой, он потянулся к ней, и она отшатнулась к стене. И мгновенно его руки упали. Она услышала его хриплое дыхание, увидела, как внезапно сжался в тонкую линию его рот.

– Простите... – прошептала Верити. – Я не хотела вас рассердить. Вы поразили меня.

Тишина мрачно повисла между ними.

– Я не сержусь, – сказал он наконец. – Ну да, сержусь, конечно, но на себя – за то, что напугал вас. Это чистая правда, Селина: я хочу вас. Я захотел вас в ту же минуту, когда впервые увидел. Или, что точнее, в ту же минуту, когда почувствовал вас в своих объятиях. Подумайте об этом, – добавил он. – Даже если вас не уволят, есть еще Фарингдон. Он может оставить вас в покое, пока я здесь, но, как вы думаете, что произойдет, как только я уеду? По крайней мере, если вы будете со мной, с вами станут хорошо обращаться, у вас будут наряды, драгоценности и деньги. Дом, чтобы жить. А после того, как мы расстанемся, у вас будет немалая денежная сумма в полном вашем распоряжении.

Любая часть того, что он предлагал, была гораздо больше, чем она имела сейчас. Это было бы заманчиво... если бы она хоть что-то из этого хотела. А влекло ее то, о чем он не упомянул, – хотя бы на краткий срок у нее появится тот, кто будет о ней заботиться хоть немного. Тот, кто будет обращаться с ней нежно. Кто-то, о ком и она может заботиться. «После того как мы расстанемся...» Неизбежно последует расставание. Даже сейчас ее сердце болело в ожидании этой боли. Так что хуже: иметь радость и потерять ее или никогда не иметь ее вовсе?

Но соглашаться было слишком опасно. Если Макс ко-

гда-нибудь узнает, кто она такая... Верити не думала, что сможет пережить отвращение и ужас в его глазах. Для работницы Селины принять его предложение было вполне нормально. Для мисс Верити Скотт стать его любовницей... Она может защитить себя от презрения Фарингдонов. Она не любит их, никогда не любила, но Макс... он возненавидит ее, если когда-либо обнаружит истину.

– Селина? – Сама мягкость его голоса ласкала ее. – Простите. Я не хотел испугать вас. Но поверьте: то, что мы с вами могли бы получить вместе, очень отличается от того, к чему принудил вас Фарингдон.

Она поверила ему и не стала исправлять его предположения о том, что Годфри уже лишил ее невинности. В каком-то смысле он это сделал. Как и все Фарингдоны. У нее осталось очень мало иллюзий относительно того, как общество рассматривает девушку в ее положении. Рабыня. Выполняющая труд, за который никто не платит, и принимающая издевательства, за которые никто не отвечает. Он предложил ей побег. Не любовь.

– Я должна отказать вам, милорд, – сказала она тихо, молясь, чтобы комок в горле не задушил ее.

– Ну что ж.

Макс встал и взял лампу, и Верити поняла, что он уходит. Что, если она не заговорит сейчас, он уйдет. Со всеми ее мечтами.

– Но если вы не возражаете, милорд... Я... Я хотела бы,

чтобы вы поцеловали меня еще раз.

Очень медленно он повернулся:

– Почему? Если вы не хотите...

Она прервала его:

– Я не могу быть вашей любовницей, милорд, но не потому, что вы меня испугали или что я вам не доверяю.

Его губы печально искривились.

– Если вы просите поцеловать вас после того, что я наговорил вам раньше, то ваше доверие очевидно. Вы уверены, Селина? Будьте осторожны: у меня есть серьезное намерение, используя этот поцелуй, изменить ваше решение. Начнем с поцелуя, но если вы захотите остановиться, то именно вы должны будете сказать об этом.

Она сглотнула. Он предупредил ее, что было справедливо. Она должна была принять этот риск – или отвергнуть. Она приняла его. Затрепетав, девушка протянула руку.

Улыбка Макса стала теплее, и он подошел к Верити. На этот раз он сел рядом с ней, своим весом наклонив кровать так, что Верити сползла к нему, и она поняла, насколько он больше. В окутывающих тенях его внушительный силуэт навис над ней, слабый запах одеколona оведал ее, дразнил ее чувства. Она ощутила, как его руки легли ей на плечи, вовлекая ее в губительные, ласковые объятия.

Дразнящие пальцы добрались до ее подбородка, гладили и кружили по нему, в то время как большой палец задел ее рот, потом обвел изгибы губ. Она почувствовала его дыха-

ние, горячее и требовательное, под ухом и повернула голову, робко ища его. Она чувствовала его улыбку, когда его губы приникли к ее губам, а руки смыкались все крепче, пока она таяла в его объятиях. Ее руки инстинктивно обвилились вокруг него, и она изогнулась, вжимаясь в тепло его тела.

Верити неловко приоткрыла рот и вернула ему поцелуй и тут же почувствовала, как властная рука скользнула между их телами и охватила одну ее грудь, а язык меж тем проник между ее губами. Потрясенный вздох вырвался у нее, и она почувствовала, как искры пронзают ее насквозь.

Медленно, неуклонно он утверждал свою власть над ее губами, пока последний остаток здравого смысла не предупредил ее: «Если не остановишь его теперь, ты уже не сможешь остановить. И даже не захочешь».

Верити чувствовала, как сильно напряжено все его тело, как затвердели руки, как – на одно мгновение – он отчаянно, яростно впился в ее рот, повелевая ей сдаться. Потом отпустил ее и встал, тяжело дыша.

– Мое предложение остается в силе. Вам нужно только прийти ко мне.

Его шаги удалялись вниз по лестнице. Он ушел, оставив Верити глядеть в темноту. Глоток счастья был ужасной ошибкой. Его поцелуй не дал успокоения. Вместо этого тело ее звенело и дрожало, обуянное жгучей жадной, природу которой она едва ли осознавала.

Глава 4

Через три дня Макс вышел из гостиной после завтрака в основательно испорченном настроении. Господи, какой черт еще держит его в этом доме? Если бы он еще хоть немного потерпел бессмысленную болтовню и вульгарное подхалимство, то, вероятно, разmozжил бы кому-нибудь голову. Возможно, этой самодовольной девице Селии. Слава богу, эта дрянь не снизошла до того, чтобы спуститься к завтраку. Без сомнения, она пила слабый чай на подносе в своей спальне и превращала жизнь какой-нибудь горничной в сущий ад.

Как жизнь Селины. Макс стиснул зубы. Он не видел ее с той ночи, когда приходил к ней в спальню. Очевидно, она переживает свой отказ и принимает все меры, чтобы избежать встречи с ним. Он должен забыть ее, вернуться в город. Но при мысли об этом подлеце Годфри, который набросится на девушку... Макс обнаружил, что плечи его закаменели и кулаки сжались. Итак, он вновь отложил отъезд, сказав себе, что, пока он здесь остается, Селина в безопасности. И еще он надеялся увидеть ее, спросить еще раз, убедить ее еще более нежными поцелуями. Его тело болело при воспоминании о том, как робко раздвинулись ее губы под его губами, как испуганно она вздохнула, когда он ласкал чувствительные груди, прижимающиеся к нему...

Он такое же ничтожество, как мистер Фарингдон, сооб-

шила ему совесть.

«Ах, вздор! В конце концов, ей будет гораздо лучше обратиться отсюда, и я ведь не оставлю ее потом обездоленной. В самом деле, я могу купить ей доходные облигации. Где-то три процента дохода, чтобы сделать ее независимой. Она всегда может сказать «нет». Я же не заставляю ее».

Она сказала «нет». Его совесть подчеркнула это с необычным рвением. И еще она напомнила ему о другой девушке, которую ему не удалось спасти. В отличие от Верити Скотт Селина получила свой шанс – и отказалась. Более ничего не держало его здесь. Завтра он уедет. Собственно, он найдет Фарингдона прямо сейчас и скажет ему об этом перед верховой прогулкой.

День прошел для Верити в непрерывных трудах без надежды на отдых до самого вечера. Она могла только благодарить Бога за этот домашний прием. По крайней мере, ее задачи по-прежнему ограничивались теми, которые заставляли ее держаться подальше от родственников и их гостей. А может быть, сегодня она опять сумеет затаиться на лестнице и подсмотреть мельком, как Макс проходит мимо по пути в спальню.

Она вздрогнула. Лучше было сказать ему, кто она такая. Он бы никогда не принял ее тогда. И искушение исчезло бы. Но она не посмела. Он попытался бы заставить Фарингдонов относиться к ней лучше. Но что он мог реально сделать? Ей

не было двадцати одного года, она была нищей и полностью зависела от ее законных опекунов. Он – Блейкхерст, облаканный обществом.

Она увидела его. Это было лучше, чем ничего. И если он узнает правду, ей станет хуже, чем когда-либо. Тетя Фарингдон позаботится об этом.

Во второй половине дня ее отправили в спальню Селии заниматься починкой. По крайней мере, это означало, что она могла сесть. Она свернулась в комочек и дрожала, несмотря на теплый день, но стежок за стежком подшивала платье, надорванное Селией прошлым вечером. Она была бы не против штопки и других работ, если бы ее тетя и прочая родня относились к ней как к члену семьи, если бы они не отняли у нее остатки достоинства вплоть до самого имени.

Разве Верити Скотт еще существует? Или же она умерла много лет назад и ее заменила тихая, скромная Селина? Ей было девятнадцать, боже, почти двадцать лет. В пятнадцать у нее было больше смелости. Верити в отчаянии попыталась вспомнить девочку, которая брела, таясь, под проливным дождем, чтобы почтить хоть чем-нибудь отцовскую могилу.

Осмелилась бы она сделать это сейчас? Стыд и отвращение к себе охватили ее. Как она могла стать такой покорной? Она хмуро завязала узелок и обрезала нитку. Ну хорошо, она заступилась за Сьюки. А как насчет заступиться за себя? Сейчас? Что, если она сейчас же откажется быть Селиной?

Она поднялась и повесила подшитое платье в шкаф. Она стала Селиной, чтобы выжить. Итак, ей придется принять решение. Выживание – или чувство собственного достоинства.

Селия пришла переодеться к ужину злая как ведьма, и Верити узнала, что лорд Блейкхерст исчез сразу после завтрака и уехал на целый день кататься верхом. Один. Снова.

Высвободившись из дневного платья, Селия села за свой туалетный столик в рубашке и нижней юбке и заявила:

– Мне сказали, что он был на завтраке, а потом просто исчез. Ах, мама в ярости. – Она повернулась к Верити, ухмыльнулась и продолжила: – По-моему, это как-то связано с тобой. Ты там была, когда она поднималась наверх. Она сказала, что ты пыталась затеять интрижку с лордом Блейкхерстом.

Пальцы Верити вдруг онемели, и она уронила тапочки, которые только что подобрала. Кто-то видел их.

– Представить только, – продолжала Селия, – ты! Пытаешься приставать к такому ценителю женщин, как Блейкхерст! Говорят, что все его любовницы потрясающе красивы и что он демонстрирует их всему Лондону. Но тебя-то это не касается. Тебе явно передалась по наследству ваша семейная трусость, а вот теперь ты еще и попыталась стать шлюхой.

Под покровом зыбкого страха что-то внутри Верити шевельнулось. То, что оставалось скованным в течение многих лет.

Селия надула губы, разглядывая свое отражение, и крутила в пальцах локоны, так и этак примеряя их к лицу.

– Пожалуй, мне нужна будет сегодня новая прическа. Старая мне надоела. Давай позаботься об этом.

Самоконтроль Верити разбился на тысячи блестящих, смертельно острых осколков, и ее характер вырвался на волю.

– Разумеется, кузина, – сказала она, подбирая с туалетного столика швейные ножницы. – Как насчет этого? – Она схватила прядь волос и отхватила ее ножницами. – И этого! – Вторая прядь присоединилась к первой на полу.

Визги и вопли Селии, которая вцепилась в обстриженные лохмы над левым виском и ухом, возымели неизбежные последствия.

Когда ворвалась леди Фарингдон, Верити повернулась к ней достаточно спокойно. Ее светлость взглянула на обрезки волос Селии и набросилась на племянницу.

– Убирайся! – закричала она. – Возвращайся к себе в комнату! Я разберусь с тобой утром, после того, как попрошусь с лордом Блейкхерстом.

Верити ахнула от ужаса, и тетя это заметила.

– Да, это так. Он уезжает. Ты думала, что привлекла его внимание? Не сомневаюсь, что твоя попытка втереться к нему в доверие была ему отвратительна. А теперь вон!

Отказываясь пугаться, Верити весело сказала:

– Спокойной ночи, тетя и кузина. Думаю, какая-нибудь из

служанок может расчесать вам волосы перед сном – теперь, когда я облегчила ей задачу. Приятного вечера.

Верити едва помнила, как добралась до своей комнаты. И вот наконец она лежит на узкой кровати, глядя в темноту, пытаясь сдержать отчаяние. Не было времени обдумывать план побега или пытаться искать место. Она должна уйти. Немедленно. Все ее корабли и мосты пылали ярким пламенем.

Хватит. Теперь она должна была думать, что делать. Дрожая, Верити посмотрела в лицо правде. Если останется, она погибла. После этого ее тетка будет смотреть в другую сторону, когда Годфри опять попытается ее совратить. А если она пойдет искать убежище в рабочем доме, рано или поздно ее возьмет какой-нибудь другой мужчина. Это только вопрос времени.

Шлюха.

Что бы Верити ни сделала, она в ловушке. Если только... если бы она приняла предложение лорда Блейкхерста! Но она не могла! Она не смела... а может?.. Она тщательно обдумала этот вариант.

Ей следует оставаться Селиной Деринг. Со странным предчувствием девушка осознала, что Верити перестанет существовать как таковая. Останется только Селина. Макс никогда не должен узнать правду. Ни единой капли правды.

Сразу после ужина Макс извинился, пробормотал что-то

о раннем отъезде и пошел в свою комнату. Даже перспектива выяснить, что вызвало взрыв женской истерики незадолго до ужина, не вызвала у него искушения остаться дольше, чем это было необходимо по требованиям вежливости.

То, что в центре событий была Селия, стало ясно хотя бы потому, что она не появилась за ужином. Пояснение леди Фарингдон, что ее дочь чувствительна и легкоранима, Макс перевел по-своему: капризное дитя не получило какой-нибудь мелочи, которой добивалось.

Войдя в комнату, он позвонил в колокольчик и, когда появился Хардинг, сказал ему:

– Мы уезжаем рано утром. Ты упаковал вещи?

Хардинг кивнул:

– Да, сэр. Все готово. Я еще нужен сегодня вечером?

Макс покачал головой, но затем передумал:

– По зрелом размышлении... принеси-ка мне бутылку бренди, а затем отправляйся спать.

Хардинг заколебался:

– Бренди, сэр? У вас завтра утром голова будет гудеть, как котел.

Граф Блейкхерст поднял брови:

– В этом случае разрешаю тебе злорадно заявить: «Я же вам говорил!» А сейчас пойди и принеси.

– Да, сэр. Приятного похмелья, сэр.

Рот Макса дернулся.

– Бог знает, почему я тебя терплю!

Хардинг ухмыльнулся:

– Возможно, что и знает, сэр. Он ведь Всеведущий, разве нет?

Макс рассмеялся и сел на кровать, чтобы снять обувь.

– Сэр?

– Да?

– Оно, конечно, не мое дело, но вы слышали что-нибудь о дочке полковника?

Смех оборвался.

– Мне очень жаль, Хардинг, но я должен тебе сказать, – тихо произнес он. – Она умерла. Фарингдон намекнул, что она сама свела счеты с жизнью. Я опоздал. Снова.

Хардинг побледнел:

– О господи! Мне так жаль, сэр.

– Мне тоже. Спокойной ночи.

Когда бренди доставили, Макс откупорил бутылку и взглянул в лицо своему поражению. Пять лет. Какого черта он ждал так долго, чтобы удостовериться, что с Верити Скотт все в порядке?

И только тогда, когда этой весной леди Фарингдон представила обществу прекрасную Селию, он стал задумываться.

Но более близкое знакомство с леди Фарингдон заставило насторожиться все его инстинкты. Этой женщине он не поручил бы собаку, занозившую лапу, не говоря уже о несчастной сироте, убитой горем дочери самоубийцы.

Он сложил горкой подушки, оперся на них спиной и сце-

пил руки за головой, уставившись на сборчатый полог над своей кроватью. Слишком поздно. Точно так же слишком поздно он пришел к человеку, который спас его жизнь ценой своей собственной жизни.

Это Уильям Скотт отразил саблю, которая должна была убить или искалечить его. Это Уильям Скотт получил незаживающую рану, в которой развилась гангрена. Рука Уильяма Скотта была ампутирована в вонючем полевом госпитале после Ватерлоо. И именно Уильям Скотт в конечном итоге погрузился в отчаяние и убил себя.

Макс вздрогнул, прогоняя призраков прочь. Он уже ничего не мог для них сделать. Они оба покоились с миром. Завтра вечером он вернется в Лондон. Надо надеяться, что его брат-близнец Ричард уже возвратился в город, и он сможет смыть горечь потери, отравившую его сердце. Лучше обратить свой взор на живущих и сегодня вечером выпить еще, чтобы изгнать призраков. Утреннее похмелье будет за это справедливой платой.

Когда он уже наклонял бутылку, в его сознании мелькнул образ Селины. Она ему отказала. Дважды. Ничего больше он сделать для нее не может. Он стиснул кулаки. Понятно, что если ей приходилось сопротивляться любезностям молодого Фарингдона всякий раз, когда этому полоумному щенку приходило в голову потешить свой хозяйский нрав, то у нее есть все основания опасаться того, что может сделать с ней мужчина.

Селина отказалась принять его предложение. Вряд ли он сможет сделать для бедной девушки что-нибудь еще, если только... Если не сумеет убедить свою тетю Альмерию, леди Арнсворт, что той нужна компаньонка. Что мисс Селина Деринг будет превосходно отвечать всем требованиям. Он может прямо сейчас подняться в комнату Селины и предложить ей это. Дать ей свой адрес в городе и немного денег на проезд. Альмерия примет ее, если он предложит ей, скажем, свободную ложу в опере.

Разглядывая уровень бренди в бутылке, он колебался. Может быть, стоит оставить его до утра. Деловые вопросы лучше всего решать с ясной головой. И у него было ужасное ощущение, что предел его самоконтроля был достигнут во время его предыдущего визита в ее спальню. Ему было почти невозможно выпустить ее тогда. Теперь же... все его тело напряглось, едва он только подумал о сладости ее отклика, о том, как ее тело таяло в его руках. Если он пойдет туда сейчас, он, вероятно, вскоре обнаружит, что пытается соблазнить ее принять его первоначальное предложение.

«Она отказала тебе».

Он все еще боролся со своей совестью, когда до него донеслось тихое постукивание в дверь. Нахмурившись, он выудил из жилетного кармана часы и посмотрел на них с недоверием. Какой черт приходит в гости за полночь? Он мысленно пересмотрел список гостей. Интересно, кто из бесстыдных замужних дам решился на такой риск?

Леди Монкриефф? Она вроде бы сдалась, но, если он завтра уезжает, она, возможно, решила применить более прямую тактику. Или миссис Хайбери? Красивая вдова порой позволяла себе радости на грани пристойности. Он уставился на закрытую дверь. Она уйдет, если он не ответит. Тогда он поднимется наверх и найдет там...

Дверь открылась. Маленькая фигурка в потертом платье проскользнула в комнату и осторожно закрыла дверь.

– Селина? – Он не мог в это поверить, даже когда кровь смятенно забурлила в жилах.

– Д-да, милорд.

Шепот едва донесся до него. Он ясно видел, что она одной лишь силой воли удерживала себя в его комнате.

– Что вы хотите, Селина?

Еще задавая вопрос, он знал, что она могла бы прийти только ради одной цели. Возможно, ее первоначальный отказ был не более чем попыткой раздражить. Может быть, она думала добиться более выгодных условий, немного подержав его на расстоянии, но его неотвратимый отъезд ее поторопил. Триумф и желание овладели им в равной степени.

Его совесть вскинулась, подсказывая, что он должен упомянуть о возможности стать компаньонкой его тети. Его глаза блуждали по бесформенному платью, помня, какие мягкие округлости оно скрывало. У совести не было ни единого шанса.

Она пришла к нему по собственной воле. Она принадле-

жала ему. Или очень скоро будет принадлежать. Полностью. Дрожала ли она? В свете умирающего огня и свечных огарков он не мог разглядеть отчетливо.

На этот раз ее голос прозвучал достаточно громко:

– Если ваше предложение остается в силе, я хотела бы стать вашей любовницей на три месяца...

– Три месяца?

Откуда, черт возьми, она знает, как долго обычно длятся его связи?

Она закусила губу.

– То есть... это слишком долго? Я понимаю, вы, вероятно, действительно не хотите, чтобы я так долго была вашей любовницей, но я думала, что вы согласились бы принять меня на это время, чтобы дать мне начать... В конце концов, ваша репутация... Я думала, вы могли бы научить меня тому, что мне нужно знать... чтобы правильно привлекать внимание. Тогда другой джентльмен может... когда вы устанете от меня... – Ее голос затих.

– Ясно, – сказал он. – Это может занять немного больше времени, чем три месяца. – Чертовски больше времени, если задуманное у него получится. Первый раз в жизни он не мог предсказать, чем кончится связь, еще до ее начала.

– Это правда?

– Да, – сказал он. – Почти наверняка. Но конечно, кое-что нужно выяснить заранее. Мой адвокат составит соглашение, которое мы оба подпишем.

– Соглашение?

– Конечно. Так это обычно делается.

– Серьезно? Что необходимо выяснить в первую очередь?

Он улыбнулся и поставил стакан на ночной столик.

– Можете ли вы доставить мне удовольствие в постели, моя дорогая?

Пристально глядя на нее, он гадал, не убежит ли она тот час. Видит бог, он вел себя достаточно грубо. Он видел, как напряжено ее тело, и жаждал утешить ее, заключить в свои объятия и поцелуями прогнать все страхи, но она должна сделать выбор. Фарингдон мог лишить ее невинности, но он не заставит ее сделать ни шагу дальше по этой дороге, если она того не желает. Она отказала ему очень явственно. Возможно, она имела в виду это, возможно, нет. Он должен быть уверен.

– Вы... вы не хотите меня, не так ли?

Вопрос ударил его, и он увидел, как она повернулась к двери. С опозданием он понял, что его попытка предостереечь ее, удостовериться, что она знает, что делает, вызвала в ней чувство стыда.

– Селина!

Она остановилась и обернулась. Щеки ее алели.

– Милорд?

Он старательно подбирал слова:

– Это не так. Я хочу вас, но, когда я просил вас раньше, вы отказались. Я не буду заставлять вас. Вы должны прийти

ко мне. По собственной воле.

Она сделала шаг по направлению к кровати и вновь замерла.

– Вот именно, – сказал он тихо. – Приди ко мне. Я не коснусь тебя, пока ты не будешь лежать обнаженная рядом со мной в этой постели.

Дрожь пронизала Верити, когда она услышала его приглашение и поняла, что оно значит. Она должна будет раздеться перед ним. Снять всю свою одежду и голой подойти к его кровати. И при этом она перейдет границу между благопристойностью и развратом. Она станет изгоем в приличном обществе. Но только таким образом она получит возможность сама управлять своей жизнью.

Ее руки тряслись, когда она возилась с первой пуговицей своего лифа. Негромкий звук со стороны кровати привлек ее внимание. Она мельком бросила взгляд – и пальцы застыли на второй пуговице. Он снял жилет и в этот момент выпутывался из рубашки.

При виде мускулистого тела Макса у Верити пересохло во рту. Огненные блики скользили и блестели на твердых выпуклостях. Она никогда не знала, что мужское тело может быть настолько другим, настолько прекрасным.

Тихий смех заставил ее вновь поднять глаза на его лицо, и тогда она поняла, что поддалась гипнозу. Ее рот пересох еще более, когда она встретила его горячий взгляд.

– Не забывайте про ваши пуговички, сердце мое. – Его

голос был полон жаркого стремления. – Я не собирался отвлекать вас.

Она закрыла глаза и заставила пальцы повиноваться. Вторую пуговицу, затем еще и еще. Пуговица за пуговицей, пока платье не повисло на ней свободно. Она стояла, не понимая, что делать дальше, не видя, но мучительно сознавая его присутствие на кровати, зная о том, что его взгляд все еще жжет ее.

– Спустите его с плеч, пусть упадет до талии.

Она не обнажена. Еще нет. На ней все еще была ее сорочка. И нижняя юбка. Дрожа, Верити повиновалась, чувствуя, что ее соски затвердели от внезапного озноба. Платье упало на бедра, остановленное их нежной округлостью.

– Тебе не будет холодно, – донесся шепот. – Я тебя согрею. – Это прозвучало как обещание. На мгновение повисла тишина. Затем голос продолжил: – Теперь спусти его с бедер. Пусть падает на пол.

Жар его голоса пульсировал в ней.

По-прежнему плотно зажмурив глаза, она поколебалась, потом сделала глубокий вдох и подчинилась. Никогда еще она настолько не чувствовала свое нижнее белье. Ее кожа ощущала каждый шов, расположение каждого аккуратного стежка.

– Развяжи юбку. – Отрывистый и хриплый, его голос лишил подвижности ее пальцы.

Она боролась с пояском, пока он наконец не поддался, и

все же не решалась отпустить его. Она никак не могла поверить, что сняла с себя платье по приказу мужчины и сейчас снимает нижнее белье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.